

Седых А. <Цвибак Я.М.> Летний дневник. И.А. Бунин
пишет книгу о Чехове <...> // Новое русское слово.
Нью-Йорк, 1953. 20 сентября. № 15121. С. 3.

Летний дневник

И. А. Бунин пишет книгу о Чехове. — «Бумажное наваждение» А. М. Ремизова. — В Женеве у Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича. — Судьба могилы П. Н. Милюкова.

Ш*)

Поездка в Париж неизменно включает визит к писателям старшего поколения. — к Бунину и Ремизову. Увы, — на рю Буассьер, к Н. А. Тэффи на этот раз поехать не придется: ее уже нет в живых. Что стало с ее комнатой, уставленной книгами, в которой Н. А. поджидала моего прихода, сиди в кресле, у окна.

Надежда Александровна чувствовала приближение смерти. Во время последнего нашего свидания, в январе 52 года, когда я встал и начал прощаться, она взглянула и сказала:

— Посидите, друг мой, еще десять минут. Ведь поймете: мы больше никогда, никогда не увидимся!

И она оказалась права.

Лифт быстро поднимает на пятый этаж. Дверь направо, на которой уже много лет висит знакомая пожелтевшая записка: Ив. Бунин. За дверью торопливые шаги. Открывает поседевшая Вера Николаевна, неизменно приветливая и неизменно озабоченная.

— Ян хочет к вам выйти, говорит она.

Это приятно: Иван Алексеевич не всегда может встать с постели и выйти в столовую, — значит, сегодня он чувствует себя лучше. Слышно, как он долго откашливается, требует халат и, наконец, выходит, садится в кресло и некоторое время отдыхает: мучает одышка.

Несмотря на постоянные физические недомогания, вид у Бунина сейчас лучше чем был полтора года назад. И он все такой же блестящий собеседник, каким был всегда, речь его искрится острыми словами, блестящими характеристиками, красочными образами.

Разговор в начале налаживается с трудом. Иван Алексеевич явно недоволен. — пришел человек с улиткой и, чего доброго, занес грипп или какую-нибудь заразу; и из дверей дует. — Бунин ненавидит сквозняки. Но постепенно он приходит в благодушное настроение, начинает вспоминать и рассказывать и сразу появляется обаятельный собеседник и замечательный рассказчик. Разговор переходит с одного сюжета на другой. Сначала о писательнице, которая выпустила неудачную книгу:

— Еще Чехов говорил: почему женщины всегда пишут о том, чего не знают?

Ссылка на Чехова не случайна: Бунин сейчас живет Чеховым, решив написать о нем книгу воспоминаний. Перечитывает Чехова, подбирает нужные материалы, просматривает старые записи. И. А. лично знал Л. А. Авилу — женщину, которую так удивительно и странно любил А. П. Чехов, и в бунинских архивах нашлись ее письма. Она умерла в 42 году.

Да и кто же, кроме Бунина, может написать теперь книгу о Чехове? Мало осталось людей, которые лично знали его и, вероятно, Бунин — последний из тех, кого Чехов любил, ценил и считал своим духовным наследником. В своих воспоминаниях о Чехове, выпущенных в Москве, Н. Д. Телешов рассказывает о своем знакомстве с А. П., который ехал умирать в Ваденгейтер и знал, что он уж никогда не вернется в Москву. И, на прощанье, Чехов сказал Телешову:

— А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет. Так и скажите это ему от меня. Не забудьте.

Вот почему книга о Чехове так волнует Ивана Алексеевича и так близка его душе.

Запомнился анекдот, рассказанный на прощанье Буниным. После войны, на каком-то вечере, подошли к нему познакомиться несколько советских офицеров, — тогда еще в Париже они были частыми гостями.

Сказали, что счастливы познать руку писателя, которого читают и почитают в России.

Иван Алексеевич поблагодарил и начал задавать им во-

просы. Между прочим, спросил: — нравятся ли им Париж?

— Что же тут интересного? спросили офицеры. Только две вещи и есть в Париже хорошие, — Эйфелева башня, да магазин Суханова.

От Бунина — рукой подать до Ремизова, к которому мы отправляемся с Н. Котлянской. Живет он попрежнему на рю Буало, в квартире, которую почему-то называет «серебряной кукушкиной», — кажется потому что он усиленно пользуется серебряной бумагой для своих абстрактных конструкций, которыми покрыты стены.

Но в передней на стенах — не абстрактные конструкции, и не разные бумажные чедтики, засушенные морские коньки и словесные шипики («это в рабочей комнате», — пусть себе висят, покачиваются, цверг разный»). На стене в передней развешено множество впрок заготовленных записочек, которыми пользуется Ремизов, выходя из дому. Старинной вязью, разноцветными чернилами, на бумажках выведено:

— Ушел на полчаса.

— Сиджу на пятом этаже.

— Пошел в магазин за молоком.

Бумажки эти служат верой и правдой и удобны: каждый раз писать не надо. Да и писать стало трудно.

Окончательно ослаб, говорит шепотом Ремизов, и при этом еще более горбится, — совсем круглая спина стала. Вижу только последнюю строчку, а прочесть написанное — не могу.

Это не мешает ему писать с утра до ночи. В рабочей комнате Алексей Михайлович показывает мне полку со своими сокровищами: толстыми папками с рукописями, приготовленными к печати.

— Издал я за свою долгую жизнь 88 книг, а вот еще — сколько! — такое бумажное наваждение объясню не моей графоманией, а перерывом в 18 лет моего книжного существования. 18 лет я не мог найти издателя... Теперь издаю. «Иверень» лежит в Чеховском Издательстве, — иверень это значит: осколок, выблеск, стружка, щепка. Я и есть эта крепкая щепка. А вот толстая рукопись «Петербургский бунрак» — лежит у меня на столе, и «Учитель Музыки» и в многолетней лежке роман «Плачущая канавка». За эти 18 лет собрал я более 400 рукописных альбомов, а в них более 4000 картинок. А сколько еще было боковых грамот, подписанных собственноручно, обаянием царем Асакой! Вы — кавалер Обезьяньего знака 1-ой степени «Обезьянопал», Обезьяньей Вейткой и Волчьей Палатой — уже столько лет! Вы храните, а много ли осталось еще, кто помнит? В России была грамота у Амата Фадорова. Кони у Горького, а здесь — мало у кого...

Ремизов сидит за столом, подносит бумагу к глазам, — трудно читать — совсем слепой! Редко теперь выходит он из дому, разве только с поводырем. А поводырем ему служит неизвестный «африканский доктор», нудный и вечно бубнящий, и любитель выпить.

— Вот он меня и водит под руку. Только условие, — через дорогу он переводить не должен, в пыльном виде под автомобиль попадет, и меня убьет. Была с этим недавно такая история. Африканский доктор готовился к своим именинам и уж накануне начал пить, с самого утра. А замечавшаяся попал на крыло грузовика. Вро подняло и пролегло он сорок километров и пришел в себя только в Руане. А оттуда полицейский отправил его по месту жительства — в госпиталь Бусико.

И Ремизов с гордостью повторяет:

— Ему бы медведей водить! Подумайте, — сорок километров пролетел... Какая сила крыла!

И опять смотрю, — Ремизов тишайший, слабый, тщедушный, а должен быть — африканскому доктору в глубине души завидует.

Прощаемся. И напоследок: — Вот вы кратко, в дальний путь и торопитесь. И чаем я вас не мог напоить, а чай у меня особенный, московской заварки...

Несколько дней спустя французские забастовки загнали нас в Швейцарию, и я отправился в Женеву, проведать Е. Д. Кускову и С. Н. Прокоповича.

Живут они в тихом квартале города; такси везет сначала по набережной Женевского озера, по которому снуют белые пароходики, потом пересекает мосты Роны, поднимается куда-то в гору и останавливается у дверей скромного швейцарского пансиона, за последние годы ставшего своего рода политическим центром русской эмиграции в Швейцарии. Нужно пройти через садик, подняться на второй этаж, и дверь откроет радушная Екатерина Дмитриевна.

В комнате всегда есть, посетители и непочтито, где Е. Д. и С. Н. находят время для работы. Когда я пришел, там уж находился молодой американский ученый, специально интересующийся положением в России. Накануне был В. А. Маклаков, приезжавший из Экс-ле-Бэн, где он лечился от ревматизма; лечение, кажется, дало прекрасные результаты: Е. Д. с восхищением, смешанным со страхом, рассказывала, как Маклаков демонстрировал свою физическую бодрость, приседая на корточки — этими гимнастическими достижениями он очень гордился.

А за неделю до этого приезжала А. Л. Толстая, направлявшаяся в Мюнхен открывать убежище для Ди-Пи. И так, — не проходит дня, чтобы не появлялся в этих комнатах свежий человек со свежими новостями. Начинается с информации, а затем разговор быстро переходит в спор. Сергей Николаевич слушает терпеливо и, если не согласен, больше поспешивается. Но Екатерина Дмитриевна сразу вступает в бой, — позиции свои она готова защищать со всем пылом молодости. Пишу это без всякой иронии: я редко встречал более молодого человека, нежели Е. Д. Кускова. И странно было, когда к концу свидания С. Н. на вопрос о здоровье шепнул, что он — совсем молодцом, а вот Екатерина Дмитриевна похварывает.

Через минуту, когда С. Н. не было уже в комнате, Е. Д. сказала мне, что все было бы хорошо — только вот муж — не герой, и трудно ему подниматься по лестницам, надо быть очень осторожным... А она сама — в прекрасном состоянии.

И так они живут, оберегая друг друга, всем интересуясь, ни к чему не будучи равнодушными. Каждый очередной фельетон Кусковой вызывает полемику, протестующие письма, иногда яростные и несправедливые нападки. Удары принимаются спокойно, их парируют и, в конце концов, даже самые яростные противники обнажают голову перед публицистикой, — настойчивость, непоколебимая вера в свою правоту и твердость убеждений в конечном счете вызывают только уважение.

Последний мой литературный визит был на могилу П. Н. Милюкова.

Павел Николаевич скончался десять лет назад, 31 марта 1943 года в Экс-ле-Бэн, во Франции. Вреия было военное и несколько друзей, живших в этом савойском горном городке, проводили его на местное кладбище. Могила была взята временная, на пять лет. Предполагалось, что после войны прах Милюкова будет перевезен в Париж.

На следующий день по приезде в Экс я отправился с приятелем развешивать могилу Милюкова. Оказалось это делом простым: кладбищенский сторож сразу подвел нас к запущенной и заросшей травой могиле, над которой поставлен скромный памятник. На каменистом кресте дочечка с надписью по-французски:

ПАВЕЛ МИЛЮКОВ
1855 — 1943
Ученый — Историк. — Бывший министр

Могила, расположенная не-

подалеку от входа в кладбище, производит печальное впечатление. В Эксе теперь не осталось русских, и могилу, видимо, никто не посещает. Цветы, когда-то здесь посаженные, давно засохли; могила заросла дикими травами. На следующий день, по нашей просьбе, она была приведена в надлежащий вид: траву уничтожили и посадили свежие цветы.

Но смотритель кладбища, а затем в мэрии Экс-ле-Бэн мне сообщили, что 31 марта 1954 года могила будет уничтожена, так как все сроки давно пропущены, и план реорганизации кладбища не позволяет больше держать прах П. Н. Милюкова в этом месте.

— Останки должны быть во что бы то ни стало извлечены, заявили мне в мэрии, и перевезены на новое место.

Я немедленно снесся по этому поводу с сыном П. Н. Милюкова, проживающим в Париже, предлагая ему собрать в Нью-Йорке нужную сумму на перенесение праха на

новое место и установку над могилой памятника. Из за забастовок ответ его дошел до меня только через месяц. П. Н. Милюков сообщал, что он принял нужные меры: прах отца будет перевезен в октябре в Париж, на кладбище Батиньоль, где имеется семейный склеп, в котором похоронена Анна Сергеевна, первая жена П. Н. Нужные для этого средства будут взяты из наследственной массы и, следовательно, нет нужды специально собирать деньги на перенесение праха и устройство могилы. Но если друзья и почитатели П. Н. пожелают открыть сбор на сооружение на могиле памятника, достойного Павла Николаевича, — семья не станет возражать.

Но это — вопрос будущего. Важно, что могила П. Н. Милюкова не будет заброшена и прах его перевезут в Париж, на кладбище Батиньоль, неподалеку от того места, где погребен Ф. И. Шлягин.

Андрей Седых.